

Д.Н. Бородин

**Исторический очерк русской
адвокатуры**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
Д11

Д11 **Д.Н. Бородин**
Исторический очерк русской адвокатуры: Часть 1 / Д.Н. Бородин – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 120 с.

ISBN 978-5-518-06037-1

ISBN 978-5-518-06037-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

датаевъ по дѣламъ, а четвертая глава посвящается положенію юридической защиты крестьянскаго населенія и земской адвокатурѣ.

Третья часть явится центромъ тяжести нашей работы въ томъ отношеніи, что въ ней, по сколько возможно было отрѣшиться отъ субъективизма, представленъ будетъ обзоръ основной дѣятельности совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, отношенія Совѣтовъ къ корпоративной жизни адвокатовъ, къ ихъ строю и вообще нормированію условій работы и дѣятельности членовъ сословія, о сословномъ судѣ и сословной этикѣ.

Въ этой же части будетъ дана попытка представить жизнь адвокатуры съ точки зрѣнія внѣшнихъ условій ея существованія, объ идеалахъ и стремленіяхъ ея членовъ, о вопросахъ, волновавшихъ и интересовавшихъ сословіе, объ адвокатской средѣ, о корпоративномъ общеніи и о современномъ экономическомъ положеніи адвокатуры.

Четвертая часть посвящается памяти о выдающихся членахъ присяжной адвокатуры; здѣсь же мы помѣщаемъ воспоминанія и біографіи о дѣйствующей плеядѣ тѣхъ представителей русской адвокатуры, жизнь и дѣятельность которыхъ была на виду всего русскаго общества и тѣхъ, съ которыми въ теченіе нашей 18-ти лѣтней дѣятельности въ сословіи, намъ приходилось совмѣстно работать и поддерживать добрыя товарищескія отношенія.

Въ третьей и четвертой главахъ этой части мы даемъ мѣсто „pro domo sua“ и пожеланіямъ грядущимъ поколѣніямъ въ сословной адвокатурѣ.

Насколько достигнуты будутъ нами эти цѣли — пусть судятъ наши товарищи и читатели.

Д. Бородинъ.

12 Ноября 1914 г.

I.

Въ Аѳинахъ существовали извѣстнаго рода сборники законовъ въ формѣ записей и регистровъ судейскихъ писцовъ, но эти сборники не были общественнымъ достояніемъ. Кромѣ того законы этихъ сборникахъ изобиловали противорѣчіями. Такимъ образомъ, прежде всего трудно было запастись полнымъ собраніемъ этихъ записей и регистровъ, и затѣмъ не менѣе трудно было разобраться въ этомъ лабиринтѣ. Законодательство представляло собой огромный арсеналь, въ которомъ каждый могъ выбирать себѣ любое оружіе. Изученіе права не было предметомъ постояннаго и правильнаго преподаванія. Каждый узнавалъ какъ нибудь, какъ могъ, необходимый ему текстъ закона. Самые законы были кратки и довольно ясны, относясь всегда почти къ опредѣленному случаю. Судебные ораторы толковали ихъ обыкновенно по своему, не стѣсняясь измѣнять текстъ и несколько не заботясь о согласіи съ другимъ толкованіемъ, хотя бы получившимъ классическое значеніе.

Мнѣнія аѳинскихъ юрисконсультовъ не получали, какъ это было въ Римѣ, силы закона. Здѣсь не было и римскаго института преторства, который оказалъ такую огромную услугу римской юриспруденціи.

Слабость аѳинской юриспруденціи объясняется недостатками политическаго и правового строя республики.

Начало судебного краснорѣчія относится ко временамъ Солона и отцомъ этого рода искусства былъ одинъ изъ семи мудрецовъ Греціи, а именно Біасъ, который по свидѣтельству Діогена Лаерція былъ усерднымъ и краснорѣчивымъ адвокатомъ, а затѣмъ Темистокль, страстно предавшійся теоріи и практикѣ процесса. Они и являются родоначальниками, положившими начало судебныхъ ораторовъ Греціи, римскихъ патроновъ и адвокатовъ.

Въ Сиракузахъ впервые были выработаны и извѣстныя правила для судебного краснорѣчія.

Солонъ ввелъ установленіе, обязывавшее каждаго защищать свое дѣло лично передъ трибуналомъ; никакая замѣна въ этомъ случаѣ не допускалась, точно также, какъ въ исполненіи воинскаго долга.

Соблюденіе закона на практикѣ оказалось фактически невозможнымъ и повело къ тому, что создалась одна лишь фикція защиты своихъ дѣлъ, обратившіяся затѣмъ въ сдѣлки клиентовъ съ судебными ораторами. Клиентъ дѣйствительно

являлся одинъ передъ судьями и говорилъ самъ, но онъ только повторялъ рѣчь, написанную или составленную какимъ нибудь ораторомъ или софистомъ—знатокомъ права и практики судопроизводства. Между ораторомъ и кліентомъ устанавливались выгодныя соглашенія, въ которыя каждый находилъ свой разчетъ. Кліентъ поддерживалъ существованіе оратора, а послѣдній являлся его пособникомъ и союзникомъ.

Рядъ же лицъ, являвшихся передъ судьями и оказавшіяся безусловно неспособными дать надлежащія объясненія, привели къ тому, что вмѣсто нихъ судьямъ предоставлено было право давать объясненіе тому изъ присутствовавшихъ, кто добровольно возьметъ на себя эту обязанность или тому оратору, кого назоветъ по имени кліентъ. Такого рода „добровольцемъ“ или ораторомъ являлся *логографъ*, внезапно выступавшій изъ аудиторіи, какъ *Deus ex machina* и съ дозволенія судей произносившій свою реплику или *дефтерологию* въ пользу кліента.

Такая система, безъ сомнѣнія, была вполне удобна, но помощь логографа обусловливалась, конечно обходомъ закона и носила характеръ тайны и такимъ образомъ ускользала отъ репрессіи. Но она вела къ недостойнымъ приемамъ и наивнымъ ухищреніямъ, а потому профессія логографовъ стала внушать недобъріе. Самое названіе это стало жестокой обидой. Ораторы бросали его въ лицо другъ другу, какъ бранное слово. Но оружіе скоро притупилось и про-

фессія логографовъ — приобрѣла права гражданства *).

Не чужды были этой профессіи и знаменитый Демосѳенъ.

Къ сознаніи истинной цѣли ораторскаго искусства и особенно судебного краснорѣчія аѳинскіе граждане пришли, благодаря Периклу. По свидѣтельству Фукидида, Перикль довелъ до совершенства свое краснорѣчіе. Аристофанъ зоветъ его олимпійцемъ, съ сверкающими во время рѣчи зубами и глазами, бросающими грозные молніеносные взгляды.

Его приемы во время рѣчи были исполнены достоинства и сдержанности. Онъ появлялся на трибунѣ, завернутый въ тогу, переброшенную черезъ правую руку.

Его общественное положеніе не позволяло ему защищать обыкновенные интересы и подводить величіе своего таланта до уровня незначительныхъ процессовъ. Онъ выступалъ только въ крупныхъ процессахъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе громкими были возбужденные противъ Аноксагора и Аспазіи, по обвиненію въ нечестіи.

Среди другихъ судебныхъ ораторовъ классическаго міра, слѣдуетъ указать на Антифана, который посвятилъ себя всецѣло практикѣ и обученію правиламъ судебного краснорѣчія.

Лизій представлялъ собой наиболѣе законченный типъ логографа. Рѣчь его отличалась выра-

---

*) А. Морилло и Г. Дебенъ: „Судебные ораторы въ древнемъ мірѣ“ (переводъ съ французскаго) 3 изданіе Я. Контаровича СПБ. 1899, стр. 11-

зительностью, стильностью и этическими красотою.

Изократь принадлежалъ къ категоріи логографовъ. Хотя онъ въ своихъ рѣчахъ, съ негодованіемъ относился къ этой низкой и непріятной профессіи, и если прибѣгалъ къ ней, то только по необходимости. Какъ почти всѣ ораторы, онъ любилъ роскошь и удовольствія, а эта жизнь требовала большой достатокъ. Онъ былъ чутокъ не только къ прелести слова и къ красивымъ оборотамъ рѣчи.

Въ противоположность Исократу, относившагося съ презрѣніемъ къ профессіи логографа, хотя часто и прибѣтавшего къ ней,—Исей напротивъ всю свою славу полагалъ въ томъ, что посвятилъ себя этой дѣятельности всецѣло. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ знатоковъ права, которыми гордятся Аѳины. Исей былъ исключительно логографомъ и юрисконсультomъ. Последнее званіе было такъ мало чтимо, что скорѣе способствовало бы забвенію его имени, чѣмъ с охраненію его въ памяти потомства, если бы онъ не былъ учителемъ Демосѳена.

Судебное краснорѣчіе обязано Исею существеннымъ прогрессомъ. Онъ сообщилъ ему болѣе живой и воинственный характеръ. Исей представлялъ совершеннѣйшій образецъ дѣлового адвоката, занятаго исключительно мыслію объ интересахъ кліента, думающаго только о томъ, чтобы выразить стройно и сильно тѣ доводы, на которые опирается кліентъ, и разрушить основанія

противника. Къ Исею прибѣгали особенно въ процессахъ о наслѣдствѣ, такъ какъ спорныхъ послѣдственныхъ дѣлъ въ Аѳинахъ было чаще, чѣмъ гдѣ либо.

Въ числѣ судебныхъ ораторовъ занималъ почетное мѣсто Ликургъ, одинъ изъ немногихъ, которые отказались вовсе отъ профессіи логографа. Богатство позволяло ему не искать наживы, а строгость его нрава запрещала ему принимать участіе въ обходѣ закона.

Политическія дѣла болѣе подходили къ его таланту, одаренному болѣе страстностью, чѣмъ логикой. Въ общемъ Ликургъ былъ славнѣйшимъ представителемъ судебного краснорѣчія, онъ сообщилъ ему особенную полноту и величіе.

Въ числѣ судебныхъ ораторовъ надо отмѣтить Эсхина прославившагося въ процессѣ Тимарка, котораго защищалъ Демосѳенъ. Этотъ процессъ установилъ непримѣримую ненависть между Эсхиномъ и Демосѳеномъ.

Среди всѣхъ перечисленныхъ судебныхъ ораторовъ древняго міра—пальма первенства несомнѣнно принадлежитъ Демосѳену.

Хрупкій и нѣжный по организаціи, онъ не питалъ страсти къ играмъ и упражненіямъ. Онъ держался въ сторонѣ отъ товарищей и въ этомъ одиночествѣ умъ его ожесточился и онъ выработалъ въ себѣ привычку къ той рѣзкой суровости, которую онъ впоследствии, такъ ярко обнаружилъ

Въ началѣ своей карьеры, онъ направилъ всѣ усилія на путь судебного краснорѣчія. Онъ старался преодолѣть всѣ трудности упражненія и, подѣ руководствомъ Исея, предался всей сложной гимнастикѣ краснорѣчія, соотвѣтственно требованіямъ того времени.

Демосеенъ явился яркимъ представителемъ новой боевой судебной тактики. Прежняя галантная тактика въ лицѣ Демосеена смѣняется новой практической и беспощадной, не озабоченной нисколько выборомъ средствъ, но имѣвшей въ виду одно только твердое рѣшеніе—безусловно завоевать окончательный успѣхъ въ дѣлѣ. Онъ не могъ сдерживать активной свой талантъ въ границахъ бесплоднаго нанизыванія фразъ въ извѣстномъ порядкѣ. Ему нужна была борьба со всѣми ея волненіями, бурями и опьяненіями побѣды. Въ каждой рѣчи своей онъ проявлялъ весь избытокъ своего темперамента. Вибрація голоса и отзвукъ личнаго возбужденія давали чувствовать, что ему доставляло внутреннее удовлетвореніе эта игра ораторскаго искусства. Дѣло кліента становилось его собственнымъ, онъ какъ будто-бы забывалъ, что оно не касается его лично и глубоко чувствовалъ чужую обиду, и искренно негодовалъ на противника, какъ задѣтый лично. Если же противникомъ, являлся и его политическій противникъ, то гнѣвъ его находилъ тогда исходъ въ самыхъ разнообразныхъ выраженіяхъ; его суровость достигала крайняго предѣла; его тонъ становился рѣзкимъ и желчнымъ, его на-

падки расчлняются съ неутомимою точностью и опредѣленностью; его оскорбленія и острые сарказмы сыпались на голову противника и въ этомъ онъ находилъ дьявольское наслажденіе. Въ своихъ рѣчахъ онъ обнаруживалъ поразительную зрѣлость, опытъ, знаніе жизни и людей. Вступленіе въ его рѣчи всегда было просто и скромно. Изложеніе существа дѣла представляло совершенство точности и ясности; ни одно слово въ этомъ вступленіи не лишено было значенія. Затѣмъ начинается чувствоваться энергія, сдержанная, скрытная и направленная вся къ концу, къ достиженію цѣли. Черезъ всю рѣчь пробѣгаетъ какъ бы одинъ потокъ негодованія, одушевляющей всѣ слова, и этотъ глухой гнѣвъ раздражался наконецъ въ заключеніи рѣчи и въ заключительныхъ словахъ реплики. Тутъ Демосѣенъ притихалъ, тонъ его рѣчи становился теплѣе и онъ рисовалъ передъ судьями тяжелое положеніе, въ которое поставило бы его потеря процесса. Потомъ, не желая кончать этимъ призывомъ къ состраданію, онъ заключалъ нѣсколькими кроткими словами, но исполненными достоинства, обращаясь уже исключительно къ справедливости судей*).

Демосѣенъ, несомнѣнно, представлялъ собою наиболѣе законченный типъ геніальнаго чловѣка. Этотъ чловѣкъ представляетъ наилучшій примѣръ того, что можетъ сдѣлать воля въ приложеніи къ таланту, отъ природы богатому и

---

*) Ibidem, стр. 60—61.